

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

**ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ КОНСТИТУЦИИ
ПУНКТА 2 СТАТЬИ 1 ЗАКОНА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ “О ВНЕСЕНИИ
ИЗМЕНЕНИЙ И ДОПОЛНЕНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ” И СТАТЬИ 1 ЗАКОНА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ “О
ВНЕСЕНИИ ДОПОЛНЕНИЯ В ЗАКОН “О БАНКОВСКОЙ ТАЙНЕ”, ПРИНЯТЫХ
НАЦИОНАЛЬНЫМ СОБРАНИЕМ 22 ЯНВАРЯ 2020 ГОДА, НА ОСНОВАНИИ
ОБРАЩЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ**

г. Ереван

18 июня 2020 г.

Конституционный Суд в составе Г. Товмасыана (председательствующий), А. Гюлумян, А. Диланяна, Ф. Тохяна (докладчик), А. Туняна, А. Хачатряна, Г. Назаряна, А. Петросян, с участием (в рамках письменной процедуры):

представителей заявителя – Президента Республики – Г. Даниеляна, А. Хачатуряна, начальника Юридического управления Аппарата Президента Республики О. Овакимяна, привлеченного в качестве стороны-ответчика по делу официального представителя Национального Собрания – начальника Отдела правового обеспечения и обслуживания Аппарата Национального Собрания К. Мовсисяна,

согласно пункту 1 статьи 168, пункту 4 части 1 статьи 169 Конституции, а также статьям 22 и 73 Конституционного закона “О Конституционном Суде” рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия Конституции пункта 2 статьи 1 Закона Республики Армения “О внесении изменений и дополнения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения” и статьи 1 Закона Республики Армения “О внесении дополнения в Закон “О банковской тайне”, принятых Национальным Собранием 22 января 2020 года, на основании обращения Президента Республики”.

Согласно пункту 2 статьи 1 принятого Национальным Собранием 22 января 2020 года во втором чтении и полностью **Закона Республики Армения “О внесении изменений и дополнения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения”** часть 3.2 статьи 172 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения от 1 июля 1998 года (далее – также Кодекс) дополнена новым абзацем следующего содержания:

“Суд по уголовным делам, рассматриваемым по статье 104, по статье 112, по статье 125.1, по частям 2 и 3 статьи 131, по статье 132, по статье 132.2, по частям 2 и 3 статьи 133, по статье 154.2, по статье 154.9, по статье 168, по частям 2 и 3 статьи 178, по частям 2 и 3 статьи 179, по части 3 статьи 180, по частям 2 и 3 статьи 181, по статье 182, по статье 188, по статье 188.1, по статье 189, по статье 189.1, по статье 190, по частям 2 и 3 статьи 190.1, по частям 2 и 3 статьи 190.2, по статье 191, по статье 192, по статье 193, по статье 194, по статьям 200-203, по статье 205, по статье 207, по статье 213, по статье 214, по статье 215.1, по части 3 статьи 216, по статье 217, по статье 217.1, по статье 218, по статьям 219-224, по статье 233, по статье 235, по статье 235.1, по статье 261, по статье 262, по статье 266, по статье 267.1, по статье 274, по статье 275, по статьям 308-314.3, по статье 332, по статье 336, по статье 352, по статье 375, мотивированным постановлением удовлетворяет утвержденное Генеральным прокурором или его заместителем с согласия надзирающего прокурора ходатайство следователя о разрешении производства обыска или изъятия в целях получения составляющих банковскую тайну сведений относительно не привлеченных в качестве подозреваемых или обвиняемых лиц, служебных сведений относительно осуществляемых Центральным депозитарием сделок с ценными бумагами, установленных Законом Республики Армения “О рынке ценных бумаг”, а также сведений, составляющих страховую тайну, если ходатайство содержит достоверные и достаточные данные о том, что вышеуказанные сведения необходимы для установления обстоятельств, имеющих существенное значения для дела, и их невозможно установить каким-либо иным разумно возможным способом”.

Статья 1 принятого Национальным Собранием 22 января 2020 года во втором чтении и полностью **Закона Республики Армения “О внесении дополнения в Закон Республики Армения “О банковской тайне”** устанавливает:

“Часть 1 статьи 10 Закона Республики Армения от 7 октября 1996 года НО-80 “О банковской тайне” после слов “о лицах, ..., привлеченных в качестве подозреваемых либо

обвиняемых по уголовному делу,» дополнить словами “а также в случаях, установленных вторым абзацем части 3.2 статьи 172 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения”.

Упомянутые законы, принятые Национальным Собранием, не были подписаны Президентом Республики.

Поводом к рассмотрению дела явилось зарегистрированное в Конституционном Суде 6 февраля 2020 года обращение Президента Республики.

Изучив обращение и объяснения сторон по настоящему делу, а также относимые законы и другие имеющиеся в деле материалы, Конституционный Суд **УСТАНОВИЛ:**

1. Позиции заявителя

Заявитель считает, что предлагаемое регулирование фактически делает непредсказуемым круг тех субъектов, права которых могут быть ограничены без предоставления соответствующего процессуального статуса, поэтому данное регулирование не соответствует конституционному принципу правовой определенности.

По мнению заявителя, в случае применения предусматриваемого регулирования с точки зрения законодательных механизмов эффективной защиты прав лиц, не имеющих процессуального статуса, не установлены достаточные гарантии. Их в процессуальном аспекте фактически не информируют об обыске или изъятии связанных с ними сведений, и они лишены даже возможности выразить свою позицию и обосновать ее, согласиться или не согласиться с представленными следователем в ходатайстве аргументами.

Согласно заявителю, предлагаемое регулирование может также поставить под угрозу экономическое благополучие страны, подорвав доверие к банковской системе.

На основании как вышеизложенных, так и иных аргументов заявитель делает заключение, что оспариваемые правовые регулирования противоречат статьям 31, 32, 34, 75, 78 и 79 Конституции.

2. Позиции ответчика

Ответчик считает, что связанное с оспариваемым положением ограничение права на ознакомление с персональными данными, соответствует такому критерию, как установленный законом, поскольку конфиденциальность следует из недопустимости

разглашения данных предварительного расследования, предусмотренной статьей 201 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения. Причем ограничение снимается после завершения предварительного расследования.

Ответчик также считает, что оспариваемое положение одновременно преследует цель предупреждения или раскрытия преступлений, предусмотренных упомянутой статьей.

Ответчик считает необходимым отметить, что хотя государство в связи с реализацией права на неприкосновенность частной и семейной жизни также несет позитивные обязанности (например, обеспечение того, чтобы частные лица не посягали на неприкосновенность частной и семейной жизни других лиц), оспариваемые положения касаются негативной обязанности государства по обеспечению того, чтобы, в частности, вмешательство государства было исключительно в таком объеме, который необходим для достижения законной цели.

Ответчик считает необходимым также отметить, что изучение практики Европейского суда по правам человека также свидетельствует, что само по себе получение составляющих банковскую тайну сведений относительно не привлеченных по делу подозреваемых или обвиняемых лиц не противоречит Конвенции о защите прав человека и основных свобод, если соблюдены все критерии допустимости вмешательства.

Согласно ответчику, хотя, исходя из характера вмешательства, ограничено право лица на участие в рассмотрении вопроса относительно предоставления касающихся его данных, тем не менее законодательство предусматривает множество механизмов, которые позволяют оспорить обработку данных государственным органом.

На основании вышеупомянутых и других аргументов ответчик считает, что оспариваемые правовые регулирования соответствуют Конституции.

3. Обстоятельства, подлежащие установлению в рамках дела

При оценке конституционности оспариваемых по настоящему делу правовых регулираний Конституционный Суд считает необходимым, в частности, обратиться к следующим вопросам:

1. *Включает ли основное право неприкосновенности частной жизни банковскую тайну, служебные сведения относительно осуществляемых Центральным депозитарием сделок с ценными бумагами, установленных Законом Республики Армения “О рынке ценных бумаг”, а*

также сведения, составляющие страховую тайну (далее – иные конфиденциальные сведения), и если включает, то преследует ли ограничение оспариваемыми правовыми регулированиями упомянутого основного права указанную в части 2 статьи 31 Конституции как основание ограничения неприкосновенности частной жизни цель предупреждения или раскрытия преступления?

2. Соответствует ли с точки зрения достижения цели предупреждения или раскрытия преступлений выбранная оспариваемыми правовыми регулированиями мера - ограничение основного права на неприкосновенность частной жизни *лиц, не привлеченных по уголовному делу в качестве подозреваемых или обвиняемых, не имеющих прямого или косвенного отношения к какому-либо преступлению, - конституционным принципам правовой определенности и соразмерности в их взаимосвязи?*

3. *Установлены ли в оспариваемых правовых регулированиях и (или) в предусматривающих их законах необходимые организационные механизмы и процедуры эффективного осуществления основного права на судебную защиту для лиц, не привлеченных по уголовному делу в качестве подозреваемых или обвиняемых ?*

Закон Республики Армения “О внесении дополнения в Закон Республики Армения “О банковской тайне”, помимо оспариваемой статьи 1, предусматривает еще одну касающуюся только вступления в силу этого Закона статью (статья 2), которая не может действовать отдельно от оспариваемой статьи, поэтому Конституционный Суд должен оценить конституционность всего упомянутого Закона.

Исходя из вышеизложенного, Конституционный Суд считает необходимым оценить конституционность оспариваемых по настоящему делу правовых регулирований с точки зрения статьи 31, части 1 статьи 61, статей 75, 78 и 79 Конституции.

4. Правовые позиции Конституционного Суда

4.1. Согласно части 1 статьи 31 Конституции каждый имеет право на неприкосновенность своей частной и семейной жизни, чести и доброго имени. Во второй части той же статьи установлены основания ограничения законом этого основного права в целях государственной безопасности, экономического благополучия страны, предупреждения или раскрытия преступлений, защиты общественного порядка, здоровья и нравственности или основных прав и свобод других лиц.

Оспариваемые по настоящему делу правовые регулирования относятся к закрепленному в части 1 статьи 31 Конституции *основному праву на неприкосновенность частной жизни*, так как касающаяся лица банковская тайна и другие конфиденциальные сведения имеют отношение к частной, а не к семейной жизни человека.

Закрепление права на неприкосновенность частной жизни направлено на гарантирование такого круга (пространства) для лица и вокруг лица, в котором он, будучи свободным от любых указаний или тем более принуждения со стороны государства или общества, сможет свободно выражать и развивать свою индивидуальность в обстановке уважения со стороны государства, общества и иных частных лиц к его достоинству, общим и специальным правам и свободам. Следовательно, неприкосновенность частного пространства лица в совокупности с другими основными правами и свободами позволяет обеспечить как *индивидуальное внутреннее самоопределение человека* в соответствии с его жизненными интересами, так и *конфиденциальность его частно-бытовых отношений с другими частными лицами* от государства, общества и третьих лиц, и в этом смысле Конституция гарантирует *неприкосновенность частной жизни* лица.

Следует отметить, что Европейский суд по правам человека (далее - ЕСПЧ) интерпретирует частную жизнь как право человека жить без нежелательного внимания (см. *Smirnova v. Russia*, 24.07.2003, app no 46133/99 and 48183/99, § 95).

Частными проявлениями основного права на неприкосновенность частной жизни являются неприкосновенность жилища, свобода и тайна сообщения, а также защита персональных данных, которые в Республике Армения установлены на уровне Конституции как отдельные основные права или свободы (соответственно статьи 32-34 Конституции).

Защита основного права на неприкосновенность частной жизни включает **не только воздержание государства от вмешательства в частную жизнь**, но и **позитивную обязанность государства** по гарантированию и обеспечению этого *необходимыми и эффективными* законодательными и правоприменительными мерами. Следовательно, государство прежде всего само не должно вмешиваться в это основное право, за исключением допустимых Конституцией случаев, а также обязано установить *механизмы и процедуры, необходимые для эффективной защиты этого основного права*, в случае его нарушения не только со стороны государства, но и третьих лиц, и, в конце концов, обязано также *на практике обеспечить* защиту этого основного права от третьих лиц.

Право на неприкосновенность частной жизни включает также *все сведения*, касающиеся обладающего этим правом лица, его личного пространства и *жизненных или иных важных для лица интересов*, поскольку такие сведения позволяют влиять на поведение лица или иным образом воздействовать на тайну его личной жизни. **Любая касающаяся частного лица тайна уже защищена в силу части 1 статьи 31 Конституции**, поэтому она должна быть защищена и на законодательном уровне, независимо от того обстоятельства, касается ли эта тайна узких личных качеств лица, других элементов его внутреннего самоопределения или его *конфиденциального общения* с государственными, публичными или иными частными лицами. Это касается не только банковской тайны, но и иных конфиденциальных сведений.

Согласно статье 4 Закона Республики Армения “О банковской тайне” “1. Банковской тайной считаются сведения о счетах клиента, ставших известными данному банку в связи с обслуживанием клиента, сведения об операциях, совершенных по поручению клиента или в его пользу, а также коммерческая тайна клиента, сведения о любой программе его деятельности или о разработке, изобретении, производственном образце и любое другое сведение о нем, которое клиент был намерен сохранить в тайне, и банк был осведомлен или мог быть осведомлен о его намерении.

2. Установленные в части первой настоящей статьи сведения о банках и их клиентах, ставшие известными Центральному банку в связи с осуществлением банковского надзора, считаются банковской тайной. Банки считаются клиентами Центрального банка”.

Конституционный Суд констатирует, что в упомянутом Законе *любое сведение* о частном лице, в данном случае о клиенте, *которое клиент намерен был сохранить в тайне, и банк был осведомлен или мог быть осведомлен о его намерении*, считается банковской тайной.

Конституционный Суд считает необходимым отметить, что в упомянутых положениях Закона Республики Армения “О банковской тайне” законодатель правильно выбрал сочетание перечисления сведений, составляющих банковскую тайну, с намерением частного лица сохранить любые иные сведения в тайне, о котором банк был осведомлен или мог быть осведомлен. Следовательно, очевидно, что в этом Законе в рамках общения между банком и его клиентом в конфиденциальном режиме защищены *любые сведения о клиенте, которые клиент намерен сохранить в тайне, и эти намерения непосредственно или косвенно известны банку*.

Данные формулировки упомянутого Закона свидетельствуют, что банковская тайна включает любые сведения о каком-либо общающемся с банком частном лице, которое это лицо доверяет банку и считает необходимым держать в тайне, независимо от оценки банка, и разумной осведомленности банка об этом намерении достаточно для обеспечения их неприкосновенности и защиты со стороны государства.

ЕСПЧ в своей практике также подтвердил, что банковская тайна является элементом частной жизни человека. В частности, ЕСПЧ констатировал, что банковские документы, несомненно, относятся к личным данным человека, независимо от того, содержат ли они значительную информацию или нет. ЕСПЧ также сделал заключение, что формы вмешательства в право на частную жизнь могут включать такие действия государственных органов, как копирование документов, содержащих банковские данные, и их последующее хранение органами власти (*M. N. and Others v. San Marino*, 07.07.2015, app. no. 28005/12, § 51, 55).

Таким образом, в результате изучения понятия банковской тайны в Законе Республики Армения “О банковской тайне”, учитывая также относимые решения ЕСПЧ, Конституционный Суд считает, что, по смыслу части 1 статьи 31 Конституции, **основное право на неприкосновенность частной жизни лица включает также банковскую тайну.** При этом банковская тайна защищается как государством, в частности Центральным банком в части сведений, предоставленных являющимися его клиентами банками, так и самими этими банками.

4.2. Согласно части 2 статьи 31 Конституции основное право на неприкосновенность частной жизни может быть ограничено только законом. К числу ограничений относятся также *предупреждение и раскрытие преступлений*. Следовательно, *в этих целях законодатель правомочен ограничить также вытекающее из права на неприкосновенность частной жизни право на неприкосновенность сведений, составляющих банковскую тайну, и иных секретных сведений.*

Законом Республики Армения “О внесении изменений и дополнения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения”, принятым Национальным Собранием 22 января 2020 года, предусматривается, что банковская тайна и иные конфиденциальные сведения могут быть истребованы только в случае возбужденного уголовного дела и в рамках процедур, инициированных следователем и прокурором. То есть обсуждаемая форма

ограничения права на неприкосновенность частной жизни является осуществляемым органами уголовного преследования в ходе возбужденного в связи с предполагаемым преступлением уголовного производства мероприятием, а именно следственным действием, цель которого – получение по конкретному уголовному делу доказательств, то есть определенных фактических данных.

Конституционный Суд констатирует, что выбранные законодателем регулирования, которые ограничивают неприкосновенность банковской тайны и иных секретных сведений, *сами по себе соответствуют требованиям части 2 статьи 31 Конституции*, поскольку направлены на достижение установленных Конституцией (легитимных) целей по предупреждению или раскрытию преступлений.

4.3. Конституционный Суд констатирует, что ограничения основного права на неприкосновенность частной жизни должны соответствовать также требованиям статьи 79 Конституции, взаимосвязанной с требованиями статьи 78 Конституции. Помимо этого, законы, закрепляющие такие ограничения, должны устанавливать механизмы и процедуры, необходимые для эффективной судебной защиты, то есть соответствовать также требованиям статьи 75 Конституции, взаимосвязанной с частью 1 статьи 61 Конституции.

Согласно статье 79 Конституции при ограничении основных прав и свобод законы должны устанавливать основания и объем этих ограничений, **быть в достаточной мере определенными**, чтобы носители и адресаты этих прав и свобод были в состоянии проявлять соответствующее поведение (выделено Конституционным Судом).

Проанализировав оспариваемые правовые регулирования, Конституционный Суд считает, что:

1) в предусмотренном Уголовно-процессуальным кодексом Республики Армения *случае совершения ряда преступлений, не взаимосвязанных по каким-либо видовым или системным признакам*, предусмотрена возможность ограничения основного права на неприкосновенность частной жизни лиц;

2) круг лиц, право которых на неприкосновенность частной жизни может быть ограничено, неопределен: речь идет о лицах, *не привлеченных в качестве подозреваемых или обвиняемых в ходе уголовного судопроизводства*, то есть обо всех тех лицах, которые, независимо от их предполагаемой или реальной, прямой либо косвенной связи с каким-либо преступлением, независимо друг от друга и какой-либо связи с предполагаемым

преступлением, не были привлечены в качестве подозреваемых или обвиняемых в ходе уголовного судопроизводства;

3) для суда установлена обязанность оценить содержание ряда предусмотренных в законе правовых понятий, а также отсутствие возможных альтернатив ограничения основного права на частную жизнь, то есть суд мотивированным постановлением обязан удовлетворить утвержденное Генеральным прокурором или его заместителем с согласия надзирающего прокурора ходатайство следователя о разрешении производства обыска или изъятия в целях получения составляющих банковскую тайну сведений относительно не привлеченных в качестве подозреваемых или обвиняемых лиц, служебных сведений об осуществленных Центральным депозитарием сделках с ценными бумагами, установленных Законом Республики Армения “О рынке ценных бумаг”, а также сведений, составляющих страховую тайну, если ходатайство содержит *достоверные и достаточные* данные о том, что вышеуказанные сведения *необходимы для установления обстоятельств, имеющих существенное значения для дела, и их невозможно установить каким-либо иным разумно возможным способом;*

4) в рамках этой специальной процедуры досудебного производства *суд не является органом, осуществляющим уголовное производство* (пункт 30 статьи 6 Кодекса), следовательно, рассматривает уголовное дело не по существу, а рассматривает исключительно правомерность одного следственного действия, осуществляемого на данный момент в рамках предусмотренных законом условий, причем в условиях несостязательности, поскольку заинтересованное лицо не участвует в обсуждении соответствующего ходатайства (часть 1 статьи 283 Кодекса).

На основании вышеизложенного Конституционный Суд считает необходимым отметить, что прежде всего неясен выбранный законодателем подход, согласно которому из числа преступлений, установленных в Особой части Уголовного кодекса, были выделены уголовно наказуемые деяния, не имеющие никакой внутренней логической связи между собой, а в отдельных случаях также не связанные с финансовой, коррупционной, страховой сферами и сферой ценных бумаг. Данное обстоятельство признал также представитель ответчика по настоящему делу в своем объяснении в ходе состоявшегося 18 июня 2020 года судебного заседания Конституционного Суда, отметив, что в основе выбора составов преступлений,

перечисленных в оспариваемом правовом регулировании, главным образом лежал отчет Прокуратуры Республики Армения.

Кроме того, очевидно, что, по смыслу пункта 32 статьи 6 Кодекса, лицом, не привлеченным в качестве подозреваемого или обвиняемого в уголовное производство, могут быть не только иные участвующие в процессе лица, но и вообще *все те находящиеся под юрисдикцией Республики Армения лица, которые по какому-либо делу не имеют статуса подозреваемых или обвиняемых*. Так как отсутствие статуса в уголовном производстве является правилом, а наличие статуса – очень редким исключением, то неясно, как законодатель рассматривает отсутствие статуса подозреваемого или обвиняемого – как статус или отличительный признак, который, в числе прочего, является основанием ограничения основного права на неприкосновенность частной жизни. В связи с этим представитель ответчика по настоящему делу в своем объяснении в ходе состоявшегося 18 июня 2020 года судебного заседания Конституционного Суда признал, что связь лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми, с рассматриваемым преступлением, по сути, никаким объективным критерием не определена.

Наконец, законодатель, используя *ряд неопределенных правовых понятий*, по сути, обязывает суд по результатам их единой оценки в связи с мотивированным ходатайством следователя вынести обоснованное постановление. Причем, если *достоверность и достаточность* представленных в ходатайстве данных можно проверить посредством предусмотренного частью 2 статьи 282 и частью 3 статьи 283 Кодекса инструментария, анализируя содержание документов и доказательств или объяснений, обосновывающих ходатайство (то есть в некоторой степени на основании материализованной информации), то из оспариваемых правовых регулирований минимально не ясно, по каким критериям суд должен оценить, что связанные с запрашиваемой банковской тайной или иными конфиденциальными сведениями обстоятельства, подлежащие установлению, *имеют существенное значение по делу*, или, исходя из каких объективных обстоятельств, должен заключить, что их невозможно установить каким-либо иным *разумно возможным* способом. Иными словами, правовые позиции суда по вышеуказанным вопросам должны быть исключительно или максимально основаны на субъективном восприятии и представлениях судьи.

Таким образом, конституционность законодательных стандартов, предусмотренных для проверки обоснованности выбора как круга преступлений и носителей права на неприкосновенность частной жизни, так и ходатайства следователя, необходимо оценивать на основании анализа конституционных требований принципа определенности, после чего необходимо обратиться к соответствию оспариваемых правовых регулирований конституционному принципу соразмерности.

Конституционный Суд во многих своих постановлениях обращался к содержанию конституционных требований принципа определенности. В Постановлении от 15 ноября 2019 года ПКС-1488, ссылаясь на ряд иных постановлений (ПКС-630, ПКС-753, ПКС-851, ПКС-1142, ПКС-1148, ПКС-1176, ПКС-1213, ПКС-1270, ПКС-1357, ПКС-1439, ПКС-1449, ПКС-1452, ПКС-1475), а также утверждая и развивая свои предыдущие правовые позиции, Конституционный Суд, в частности, считает, что:

“...1) правовая определенность также является важным элементом правовой безопасности, который, в числе прочего, обеспечивает доверие к публичной власти и ее институтам;

2) в правовом государстве сохранение уверенности в дальнейшем существовании действующего правопорядка должно быть гарантировано исключительно посредством определенных, то есть предсказуемых, четких и доступных всем законодательных регулирований;

3) принцип определенности получил свое отражение не только как установленное статьей 79 Конституции требование к содержанию законов, ограничивающих основные права и свободы, но и как основополагающий элемент принципа законности, согласно которому нормы, уполномочивающие принятие подзаконных нормативно-правовых актов, должны соответствовать требованиям правовой определенности (второе предложение части 2 статьи 6 Конституции);

4) нарушение публичной властью принципа определенности непосредственно влияет на принцип верховенства закона и существенно снижает степень установленности правового государства;

5) четкость, предсказуемость и доступность законов, ограничивающих основные права или свободы, прямо пропорциональны степени ограничения основного права: **чем более интенсивным является это ограничение, тем более четкими, предсказуемыми и**

доступными должны быть формулировки этих законов, чтобы не создавать двусмысленности в связи с содержанием и наличием для частных лиц запретов, иных ограничений или возложенных на них обязанностей;

б) учитывая множество насущных вопросов и невозможность реагирования на все ситуации нормотворческим путем, требование определенности законодательных и подзаконных регулирований не исключает закрепление неопределенных правовых понятий в законах и подзаконных нормативно-правовых актах, однако это обязательно должно сопровождаться равноценным толкованием подобных понятий, а в идентичных случаях – их одинаковым толкованием, без чего невозможно констатировать предсказуемость этих положений...”.

Обращаясь в свете вышеизложенных правовых позиций к конституционности оспариваемых правовых регулирований, Конституционный Суд считает, что:

1) круг преступлений, предусмотренных законодателем в качестве условия ограничения основного права на неприкосновенность частной жизни, является результатом такого выбора, который не обосновывается каким-либо объективным или разумным критерием, вытекающим из материалов настоящего дела, а в случае установления Кодексом достаточно низкого доказательного порога для возбуждения уголовного дела (статьи 27 и 175) либо первоначальной неправильной квалификации предполагаемого преступления Суд в рамках судебного контроля за досудебным производством не может эффективно гарантировать правомерность ограничения основного права лица, поскольку не уполномочен проверять законность и обоснованность возбуждения уголовного дела;

2) получение в рамках уголовного производства на основании ходатайства следователя посредством обоснованного постановления суда сведений, составляющих банковскую тайну, и иных конфиденциальных сведений, защищенных основным правом на неприкосновенность частной жизни лица, касается не только привлеченных по уголовному судопроизводству лиц, а также законом никак не конкретизируется их причастность к рассматриваемому преступлению, включая их объективную связь с фактами, лежащими в основе обвинения, или обстоятельствами, подлежащими доказыванию по конкретному уголовному делу (статья 107 Кодекса);

3) не владея всеми материалами уголовного дела в силу процедурных особенностей проверки правомерности ограничения права на неприкосновенность частной жизни лица в

досудебном производстве, не имея возможности уточнения определенных фактов или обстоятельств и руководствуясь установленными законом сугубо общими и оценочными критериями, суд не может также сделать объективно обоснованный вывод, является ли то или иное указанное в ходатайстве следователя обстоятельство *“имеющим существенное значение по делу”* или нет, либо сделать заключение, может ли оно быть установлено *“каким-либо иным разумно возможным способом”* или нет.

В свете вышеизложенного Конституционный Суд считает необходимым рассмотреть также предъявляемые различными международными институтами требования, на которые ссылается ответчик и посредством которых была сделана попытка обосновать необходимость оспариваемых правовых регулирований. Обобщая в этом аспекте аргументы, изложенные в объяснении ответчика, Конституционный Суд констатирует, что в предъявленных международными организациями Республике Армения требованиях в связи с доступностью сведений, составляющих банковскую тайну, имеются четкие стандарты, которые касаются и характера расследуемых преступлений, и круга связанных с ними субъектов, и иных существенных условий. Итак:

1) в предложении Организации экономического сотрудничества и развития четко сказано, что при необходимости финансовые данные должны быть доступны правоохранительным органам в целях *выявления и расследования коррупционных преступлений*, а также уточнено, что финансовые данные иных лиц, помимо подозреваемого и обвиняемого, например, членов семьи или иных взаимосвязанных лиц, могут стать доступными, *когда есть достаточно сомнений относительно их участия или оказания помощи в совершении проступка либо их осведомленности о совершенном проступке, или когда есть основания полагать, что сумма была предоставлена подозреваемым без какого-либо правового обоснования;*

2) в докладе Комитета экспертов Совета Европы по оценке мер противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма (MONEYVAL) говорится, что информация относительно не являющегося *“подозреваемым”* или *“обвиняемым”* лица, представляющая собой банковскую тайну, тайну в связи со сделками с ценными бумагами или страховую тайну, должна быть доступна компетентным органам, осуществляющим расследование *по делам об отмывании денег, о предшествующих этому взаимосвязанных преступлениях и о финансировании терроризма;*

3) хотя Республика Армения и не является государством-членом Европейского союза, однако в преамбуле принятой органами этой международной организации директивы, на которую ссылается ответчик, в качестве основной отмечается идея о том, что “европейский приказ о расследовании может быть отдан *с целью получения доказательств относительно счетов любого характера, открытых являющимся субъектом уголовного производства лицом* в банке или в любом ином не являющемся банком финансовом учреждении (подчеркнуто – Конституционным Судом).

Следует отметить, что представитель ответчика по настоящему делу в своем объяснении, данном на заседании Конституционного Суда 18 июня 2020 года, подтверждает, что установлен более широкий круг преступлений, чем того требуют международные обязательства, взятые Республикой Армения, объясняя это теми подходами Генеральной прокуратуры и Центрального банка Республики Армения, что в случае предусмотрения более широкого круга преступлений проблемы не возникнут.

Таким образом, Конституционный Суд считает, что ограничение законодателем основного права неопределенного количества не имеющих какого-либо процессуального статуса и не имеющих какой-либо связи с предполагаемым преступлением лиц на неприкосновенность частной жизни с точки зрения и выбора преступлений, и круга этих лиц, и полного отсутствия их связи с преступлением, и весьма общего характера предоставленного суду инструментария проверки **не соответствует** установленному статьей 79 Конституции требованию **достаточной определенности** ограничений, предусмотренных законом.

4.4. Согласно статье 78 Конституции *меры, выбранные для ограничения основных прав и свобод, должны быть пригодными и необходимыми для достижения цели, установленной Конституцией. Меры, выбранные для ограничения, должны быть соразмерны значению ограничиваемых основных прав и свобод* (выделено Конституционным Судом).

Конституционный Суд констатирует, что ограничение какого-либо основного права возможно только по закону, а в силу принципа соразмерности требования к ограничению основного права по закону следующие:

- 1) **легитимность цели** ограничения, то есть ограничение должно быть установлено Конституцией;
- 2) выбранные для ограничения меры должны быть:

- а) **пригодными** для достижения цели, установленной Конституцией;
- б) **необходимыми** для достижения цели, установленной Конституцией;
- в) **соразмерными** значению ограничиваемых основных прав и свобод.

Конституционный Суд во многих своих постановлениях обращался к принципу соразмерности. Обобщая суть ряда своих правовых позиций, Конституционный Суд констатирует, что:

1) принцип соразмерности вытекает из статьи 1 Конституции (принцип правового государства) (ПКС-917);

2) “...*законодатель* при осуществлении своего полномочия по установлению обязанностей физических и юридических лиц, видов, размеров ответственности и мер принуждения *самостоятельно определяет, в частности, ... содержание законодательных положений, круг деяний, влекущих за собой ... ответственность, круг субъектов, подлежащих ответственности, устанавливает меры и размеры ответственности.* Однако усмотрение законодателя по указанным вопросам имеет свои конституционные рамки, и законодатель при осуществлении своего полномочия скован отдельными конституционными принципами. ... Осуществление публичной власти прежде всего ограничивается *общим принципом соразмерности*, вытекающим из идеи правового государства...” (ПКС-920);

3) “...принцип соразмерности в первую очередь требует обеспечить справедливый баланс между размером и мерой установленной ответственности и преследуемой установлением ответственности правомерной целью”.

“Лежащий в основе юридической ответственности конституционный принцип соразмерности требует также, чтобы размер установленной ответственности был дифференцированным, исходя из тяжести совершенного деяния, степени общественной опасности, причиненного ущерба, степени вины и иных существенных обстоятельств...” (ПКС-924);

4) “...*Такое широкое ограничение ... недостаточно обосновано предметными критериями.* Это *несоразмерное ограничение* конституционного права ... с точки зрения следующего из статьи 1 Конституции *принципа соразмерности (принцип правового государства)*...” (ПКС-917);

5) “...законодатель при реализации своей компетенции по предусмотрению ограничений прав и свобод должен делать это настолько пропорционально, чтобы выбранное ограничение

было созвучно принципу соразмерности, предусмотренному статьей 78 Конституции РА, а именно меры, избранные для ограничения основных прав и свобод, должны быть пригодными и необходимыми для достижения цели, установленной Конституцией” (ПКС-1293).

Учитывая вышеизложенное, Конституционный Суд считает, что *принцип соразмерности является одним из элементов* закрепленного в статье 1 Конституции *основного принципа правового государства*. В результате изменений 2015 года в действующей Конституции этот принцип закреплен четко и в полном объеме (*expressis verbis*).

Суть принципа соразмерности – **ограничение ограничений** основных прав и свобод человека и гражданина посредством обеспечения разумного баланса между частными и публичными интересами, и в ряду конституционных требований, предъявляемых ограничениям основных прав свобод, он имеет *особое значение*.

Первым элементом принципа соразмерности является *легитимность цели ограничения* основного права, то есть его предусмотрение в Конституции. Это означает, что законодатель при осуществлении своих полномочий по ограничению основного права должен основываться на целях, предусмотренных Конституцией. Во всех тех случаях, когда эти цели непосредственно закреплены в конституционных положениях, касающихся ограничиваемого основного права или свободы, как, например, в случае с основным правом на неприкосновенность частной жизни, законодатель вправе только их конкретизировать в законах, в остальных случаях законодатель сам раскрывает конституционное содержание установленной законом цели ограничения, основываясь на толковании относимых норм Конституции.

Законодатель, убедившись в наличии установленной им конституционной цели, затем должен выбрать меры для ее достижения. Поэтому *конституционность выбранных мер предопределяется прежде всего преследуемой ими целью*.

Что касается выбора законодателем мер для достижения конституционно оправданной цели, то они прежде всего должны быть *пригодными* для достижения упомянутой конституционной цели. То есть пригодными являются такие законодательные меры, посредством которых *законодатель может достичь преследуемой цели*, иными словами, когда обеспечена вероятность, что результат, к которому стремится законодатель, будет достигнут.

Следующим элементом принципа соразмерности является *необходимость* выбранной законодателем меры, то есть то, что эта мера, по сравнению с иными мерами с таким же воздействием, должна предполагать самое умеренное вмешательство в какое-либо основное право или свободу. Из всех средств, пригодных для достижения установленной Конституцией цели, должна быть выбрана та законодательная мера, которая с той же вероятностью достижения цели, то есть с такой же эффективностью, но более мягко ограничивает какое-либо основное право или свободу.

Последний, четвертый элемент принципа соразмерности требует от законодателя сравнения выбранной им *пригодной и необходимой меры с конституционным значением* ограничиваемого основного права или свободы для установления того, действительно ли государство этими мерами достигает поставленной цели и не сохраняет ли ограничиваемое основное право или свобода по своему значению верховенство над общественными интересами, именно для соблюдения которых законодатель ограничивает основные права или свободы. В итоге это означает, что **невмешательство в какое-либо основное право или свободу или его гарантирование, в зависимости от его характера, является правилом, а его ограничение – исключением**, которое должно быть обосновано в каждом случае ограничения. При этом **чем интенсивнее ограничение, тем больше бремя обоснования ограничения**.

Как уже было сказано выше, цели ограничения закрепленного в части 1 статьи 31 Конституции основного права на неприкосновенность частной жизни, согласно содержанию оспариваемых правовых регулирований, – это закрепленные в части 2 той же статьи цели предупреждения или раскрытия преступлений, то есть получение касающихся частного лица сведений о банковской тайне и иной конфиденциальной информации преследует легитимные, то есть *установленные Конституцией цели*.

Что касается выбора мер, то выбранная законодателем мера прежде всего должна быть *пригодной* для достижения этой цели.

Учитывая то обстоятельство, что речь идет о *пригодности выбранной законом меры*, ограничивающей основное право, она прежде всего зависит от других требований Конституции, касающихся ограничения основных прав и свобод, особенно от соответствия конституционному принципу определенности.

Конституционный Суд в своем Постановлении ПКС-1488 высказал правовые позиции также о *системной связи между конституционными принципами правовой определенности и соразмерности*. В этом своем Постановлении Конституционный Суд, в частности, оценил нечеткость законодательной формулировки как отсутствие надлежащих предпосылок гарантирования соразмерности ограничения конкретного основного права.

Помимо этого, в другом вышеуказанном Постановлении (ПКС-917) Конституционный Суд оценил *широкое* законодательное ограничение с мотивировкой *недостаточного обоснования предметными признаками как несоразмерное*.

Также следует отметить, что выбранные законодателем решения *исключают взаимосвязь* юридической, в данном случае *уголовной ответственности с совершившим правонарушение лицом, с характером или тяжестью правонарушения, а также с каким-либо иным предметным признаком*. Напротив, раскрытие предполагаемых преступлений, приписываемых иным лицам, законодатель не обусловил ограничением основного права частных лиц, не имеющих какого-либо отношения ни к факту этих преступлений, ни к обвиняемым. Законодатель этот свой подход в аспекте элемента пригодности основополагающего принципа соразмерности оправдывает “несоразмерными или непреодолимыми ограничениями в ходе деятельности”, направленной на предотвращение, предупреждение или раскрытие преступлений, и эти ограничения прописаны в действующем Уголовно-процессуальном кодексе, согласно которому субъектный состав, получающий сведения о банковской или иной тайне, существенно ограничивается. Резкое и существенное расширение субъектного состава законодатель мотивирует, с одной стороны, необходимостью установления совершившего преступление лица в том случае, когда совершившее преступление лицо неизвестно, с другой стороны, необходимостью раскрытия преступлений в том случае, когда совершившее предполагаемое преступление лицо известно и имеет процессуальный статус, однако “совершило предполагаемое преступление, пользуясь банковскими услугами не от своего имени, а от имени других лиц”.

Конституционный Суд считает необходимым отметить, что совершение преступления в соучастии с другими лицами или хотя бы наличие достаточных подозрений в связи с совершением такого преступления уже является объективным, то есть *предметным признаком*, позволяющим определить субъектный круг тех лиц, чье основное право на неприкосновенность частной жизни может быть ограничено. Однако, несмотря на подобный

предоставляющий очевидную возможность обоснования подход стороны-ответчика, в оспариваемых правовых регулированиях нет какого-либо предметного признака, который бы позволил определить субъективный круг частных лиц, подпадающих под ограничение основного права. Закрепление подобных предметных признаков именно в законе дало бы Конституционному Суду возможность обратиться к их конституционности уже в аспекте содержания.

Что касается сложностей раскрытия преступлений, то, как уже было отмечено, неясен выбор законодателем посредством оспариваемых правовых регулираний такого круга преступлений, который находится вне какой-либо системной логики. И так, без какого-либо ограничения субъектного состава законодатель в равной степени обозначил важность раскрытия банковской и иной тайны в случае таких преступлений, как, например, *умышленное причинение тяжкого вреда здоровью* (статья 112 Уголовного кодекса), *ростовщичество* (статья 213 Уголовного кодекса), *пиратство* (статья 220 Уголовного кодекса), *содействие занятию проституцией* (статья 262 Уголовного кодекса).

Конституционный Суд не считает обоснованным подход, согласно которому сложности или препятствия при раскрытии преступлений могут возникнуть только в связи с преступлениями, отмеченными законодателем. Очевидно, что в зависимости от различных обстоятельств подобные проблемы могут возникнуть в связи с раскрытием также других, если не всех преступлений. В то же время Конституционный Суд считает, что обеспечение или повышение предполагаемой эффективности предупреждения или раскрытия преступлений за счет ограничения основных прав неопределенного числа лиц (при фактическом отсутствии субъектного состава), не связанных с конкретным преступлением, **непригодно для достижения конституционных целей, связанных с предупреждением или раскрытием преступлений.** В противном случае предупреждение или раскрытие преступлений, как основание ограничения основных прав и свобод всех их обладателей, независимо от состава субъектов, можно было бы законодательно закрепить как правовую возможность вмешательства в их права без закрепления предметных признаков, то есть без надлежащего обоснования необходимости ограничения.

Проанализировав установленные в Кодексе, а также иные правовые положения, сопоставимые с оспариваемыми правовыми регулированиями, Конституционный Суд констатирует, что для законодателя необходимым существенным условием ограничения того

или иного основного права или свободы в целях предупреждения или раскрытия преступлений, как правило, является признак конкретизированного субъектного состава. Так, по решению суда могут контролироваться только отправленные или полученные подозреваемым или обвиняемым корреспонденция, почтовые, телеграфные или иные сообщения (часть 1 статьи 239 Кодекса), а телефонные переговоры разрешается прослушивать, когда имеется достаточно оснований полагать, что в телефонных переговорах либо переговорах по иным средствам связи подозреваемого, обвиняемого и иных лиц, имеющих сведения относительно преступлений, могут содержаться сведения, имеющие значение для дела (часть 1 статьи 241 Кодекса). Часть 4 статьи 31 Закона РА “Об оперативно-розыскной деятельности” предусматривает, что такие оперативно-розыскные мероприятия, как внутреннее наблюдение, контроль за корреспонденцией, почтовыми, телеграфными и другими сообщениями, контроль за телефонными переговорами, а также обеспечение доступности финансовых данных и негласный контроль за финансовыми сделками могут проводиться только в том случае, когда лицо, в отношении которого они должны быть проведены, подозревается в совершении тяжкого и особо тяжкого преступления.

Таким образом, Конституционный Суд считает, что установленный оспариваемыми правовыми регулированиями перечень выбранных законодателем преступлений, а также неопределенность субъектного состава носителей основного права на неприкосновенность частной жизни приводят к *отсутствию предметных оснований ограничения* и **противоречат принципу определенности, закрепленному в статье 79 Конституции, и тем самым также закрепленному в статье 78 Конституции принципу соразмерности в части пригодности законодательно избранной меры.**

4.5. Согласно части 1 статьи 61 Конституции каждый имеет право на эффективную судебную защиту своих прав и свобод. А согласно статье 75 Конституции **при регулировании** основных прав и свобод законами устанавливаются *организационные механизмы и процедуры*, необходимые для эффективного осуществления этих прав и свобод.

Конституционный Суд констатирует, что любое законодательное регулирование, а не только ограничение какого-либо основного права или свободы, должно преследовать цель обеспечить *организационные механизмы и процедуры, необходимые для эффективного осуществления* всех основных прав. Только одновременное наличие всех этих условий в

любом законодательном регулировании, тем более в законодательном регулировании, ограничивающем какое-либо основное право или свободу, может обеспечить его соответствие Конституции.

Конституционный Суд в этом аспекте считает необходимым выделить основное право на судебную защиту, как *не подлежащее ограничению* непосредственно законодателем (без легитимации коллизионным конституционным правом) *основное право*, обеспечение которого несомненно должно быть гарантировано для оспаривания в судебном порядке правомерности применения ограничений основного права на неприкосновенность частной жизни.

Конституционный Суд считает важным то обстоятельство, что согласно оспариваемому правовому регулированию банковская тайна и другие конфиденциальные сведения могут быть получены только с предварительного согласия суда. Этот механизм сам по себе является гарантией обеспечения правомерности ограничения основного права на неприкосновенность частной жизни.

Конституционный Суд констатирует, что ЕСПЧ, в свою очередь, подчеркивает, что надзор и контроль за мерами тайного наблюдения может возникать на трех стадиях: вначале, когда вынесено постановление об осуществлении наблюдения; в ходе его осуществления; после его прекращения. Что касается первых двух стадий, сам характер и логика тайного наблюдения предусматривают, что не только само наблюдение, но и сопутствующий анализ должны осуществляться без ведома гражданина. Следовательно, так как гражданину будут обязательно препятствовать в самостоятельном поиске средства правовой защиты или в том, чтобы он принимал непосредственное участие в надзорном производстве, необходимо, чтобы сами установленные процедуры предоставляли достаточные и равноценные гарантии защиты его или ее прав. В тех областях, где превысить полномочия потенциально легко в отдельных делах, желательно доверить судье осуществление надзора, судебного контроля, предоставляющего лучшие гарантии независимости, беспристрастности и надлежащих процедур. Что касается третьей стадии, вопрос последующего уведомления о мерах наблюдения неразрывно связан с эффективностью средств правовой защиты в судах и, следовательно, с существованием эффективных гарантий от превышения полномочий по надзору. В принципе, существует мало возможностей для обращения в суды заинтересованного лица, если только ему не сообщат о мерах, предпринятых без его ведома,

предоставив, таким образом, ему возможность оспорить их законность задним числом (см. *Roman Zakharov v. Russia* [GC], 04.12.2015, app. no. 47143/06, § 233-234).

В то же время, изучив оспариваемые правовые регулирования и относимые положения действующего Уголовно-процессуального кодекса, Конституционный Суд констатирует, что лица, касающиеся которых банковская тайна и иные конфиденциальные сведения были получены по решению суда, не имеют возможности оспорить это, поскольку ни в оспариваемых правовых регулированиях, ни в других положениях упомянутого Кодекса *нет механизма или процедуры их ни предварительного, ни дальнейшего уведомления.*

Что касается утверждений ответчика о том, что лица, чьи права были нарушены, могут воспользоваться общей возможностью оспаривания, то Конституционный Суд считает необходимым отметить, что:

1) ходатайство о получении составляющих банковскую тайну или других конфиденциальных сведений рассматривается судом без участия заинтересованных лиц (часть 1 статьи 283 Кодекса);

2) если заинтересованное лицо не обладает ни одним из перечисленных в части 1 статьи 265 Кодекса статусов, то оно не имеет права на ознакомление с материалами дела и, следовательно, с судебным актом, ограничивающим его основное право на неприкосновенность частной жизни;

3) механизм, предусмотренный статьей 290 Кодекса, касается опротестования решений и действий сотрудника органа дознания, следователя, прокурора и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и не применим к опротестованию судебных актов;

4) если заинтересованное лицо не является одним из предусмотренных частью 1 статьи 376 Кодекса субъектов, то оно лишено права опротестования в апелляционном порядке постановления суда о получении сведений, составляющих банковскую тайну, или других конфиденциальных сведений, даже в случае его получения;

5) ни действующий Закон Республики Армения “О банковской тайне”, в который оспариваемым правовым регулированием было внесено дополнение, ни какое-либо другое положение Кодекса не предусматривают отдельную (специальную) процедуру, посредством которой лицо, основное право которого на неприкосновенность частной жизни ограничивается, будет уведомлено об этом или получит соответствующее решение суда.

В связи с этим Конституционный Суд считает необходимым обратиться к тому утверждению, сделанному представителем ответчика в своем объяснении, что ходатайство следователя может касаться банковской тайны и других конфиденциальных сведений, как существующих на момент подачи ходатайства, так и сформировавшихся после вынесения соответствующего решения суда. Если есть обоснованные основания полагать, что запрашиваемые сведения появятся в будущем, то невовлечение заинтересованного лица в эту процедуру полностью оправдано, так как в противном случае эта секретная мера по достижению целей предупреждения или раскрытия преступлений утратит смысл. Что касается случаев формирования сведений в прошлом, то в условиях несостязательности, т.е. без участия заинтересованного лица, рассмотрение ходатайства не оправдано, поскольку в этом случае данные, интересующие орган уголовного преследования, уже имеются в банке или другом финансовом учреждении, они находятся вне контроля заинтересованного лица, и оно не может скрыть, изменить или уничтожить их. Таким образом, Конституционный Суд считает, что подобное недифференцированное правовое регулирование не защищает какие-либо правомерные общественные интересы, следовательно, ведет к необоснованному ограничению основного права лица на эффективную судебную защиту и принципа состязательности.

Конституционный Суд считает необходимым отметить также, что в одном из своих решений по вышеизложенному вопросу ЕСПЧ подчеркнул, что, в частности, из-за отсутствия в связи с банковской тайной возможности обжалования обыска и выемки или аннулирования его результатов для заявителя оказались недоступными “эффективный пересмотр” и “эффективный контроль”, вытекающие из целей статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, право на которые граждане имеют в соответствии с верховенством права и которые смогли бы ограничить рассматриваемое ходатайство тем, что “необходимо демократическому обществу” (см. *M. N. and Others v. San Marino*, 07.07.2015, апп. no. 28005/12, § 81-83).

Таким образом, по оценке Конституционного Суда, оспариваемые правовые регулирования **нарушают требования статьи 75 Конституции**: в оспариваемых правовых регулированиях и в закрепляющих их законах полностью отсутствуют механизмы или процедуры, которые позволили бы лицу быть информированным о решениях или действиях, связанных с вмешательством в его основное право на неприкосновенность частной жизни, и

защитить себя от этого в рамках надлежащих процессуальных процедур. Следовательно, непредусмотрение во время подачи в суд соответствующего ходатайства положения об уведомлении носителей основного права на неприкосновенность частной жизни об ограничении этого права после вынесения решения суда, а также после совершения соответствующего следственного действия, **нарушает также** установленное частью 1 статьи 61 Конституции **право на эффективную судебную защиту** лиц, не вовлеченных в уголовный процесс в качестве подозреваемых или обвиняемых.

Исходя из результатов рассмотрения дела и принимая за основание пункт 1 статьи 168, пункт 4 части 1 статьи 169, части 1, 2, 4 и 5 статьи 170 Конституции, а также статьи 63, 64 и 73 Конституционного закона “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд **ПОСТАНОВИЛ:**

1. Пункт 2 статьи 1 Закона Республики Армения “О внесении изменений и дополнения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения”, принятого Национальным Собранием 22 января 2020 года, признать противоречащим части 1 статьи 61, статьям 75, 78 и 79 Конституции.

2. Закон Республики Армения “О внесении дополнения в Закон Республики Армения “О банковской тайне”, принятый Национальным Собранием 22 января 2020 года, признать противоречащим части 1 статьи 61, статьям 75, 78 и 79 Конституции.

3. Согласно части 2 статьи 170 Конституции настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента опубликования.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Г. ТОВМАСЯН

18 июня 2020 года
ПКС-1546

Перевод сделан издательско-переводческим отделом
Конституционного суда Республики Армения